В.В. Ильин, О.А. Новикова

ВИКТОР АСТАФЬЕВ И АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

Ключевые слова: В. Астафьев, А. Твардовский, компаративистика, литературные связи, литературные влияния, журнал «Новый мир».

В статье дан сравнительный анализ творчества двух крупных русских писателей XX века В.П. Астафьева и А.Т. Твардовского, выявляющий некоторые типологические аналогии, литературные связи и литературные влияния (заимствования). Привлечены биографические факты, материалы сочинений авторов, отзывы литературной критики.

Такими были наши дали,
Как нам казалось, без прикрас…

А. Твардовский

Вопросы творческих контактов и литературных связей А. Твардовского, типологических аналогий – одна из актуальных проблем современной науки. Большой вклад в ее освоение уже внесен. А.И. Кондратович в монографии «Ровесник любому поколению» (М., 1987) посвятил отдельные главы восприятию поэтом И. Бунина, М. Цветаевой, А. Ахматовой, М. Исаковского, И. Соколова–Микитова, В. Овечкина, С. Смирнова; В.В. Ильин в книге «Не пряча глаз» (Смоленск, 2000) сказал об А. Твардовском и А. Пушкине, Н. Некрасове, С. Дрожжине, С. Есенине, В. Маяковском, А. Фадееве, Н. Рыленкове, а в последующих работах добавил к указанному перечню М. Лермонтова, Ф. Тютчева, А. Чехова, М. Горького, К. Симонова, А. Суркова. В.А. Твардовская на «Твардовских чтениях» выступала с докладами о дружеских связях поэта с литераторами-земляками С. Фиксиным и Е. Марьенковым. В.М. Акаткин выявил общее черты в произведениях Твардовского и А. Кольцова, Д. Фурманова; А.М. Турков написал о традиции М. Салтыкова-Щедрина в творчестве Твардовского. В последние годы опубликованы статьи о поэте и Л. Толстом, М. Шолохове, А. Платонове, А. Вампилове, В. Шаламове, Б. Васильеве, Г. Троепольском, В. Шукшине, В. Мухиной-Петринской, Н. Тряпкине, С. Страдном.

Во вступительной статье к изданию «Русские писатели XX века. Биографический словарь» его редактор П.А. Николаев, говоря о «деревенской прозе» как о «главном эстетическом достижении» второй половины XX столетия, указал, что оно было «подготовлено великим

поэтическим опытом А. Твардовского» [8, с. 5]. И, если таковое влияние имело место, его следует доказать. Первым шагом в этом направлении можно считать появившиеся публикации о Твардовском и ярких представителях «деревенской прозы» и «тихой лирики» (см. выше). Наша статья – следующий этап в изучении связей Твардовского с писателями, которых ныне именуют писателями «народного лада», «традиционалистами», «почвенниками». К ним принадлежит и Виктор Астафьев.

В нашем исследовании мы опираемся на теоретические основы сравнительного литературоведения, выявляя «типологические аналогии литературного процесса и литературные связи и влияния» [6, стлб. 126].

В литературе советского периода А. Твардовский и В. Астафьев представляли собой яркие явления художественной культуры, хотя это были люди разных поколений: их разделяли 14 лет важного периода в развитии нашей страны. Выступления авторов осуществлялись в разных видах художественной речи: первый проявил себя преимущественно в поэзии, второй – в прозе. Первый стал печататься с 1925 года, второй с 1951-го. Несмотря на возрастную разницу и имеющиеся эстетические расхождения нельзя не заметить у писателей наличия скрепов – и на генеологическом, и на творческом уровнях.

А. Твардовский родился 21 июня 1910 года на Смоленщине, на хуторе пустоши Столпово, приписанном к Загорью. В одном стихотворении он писал:

На хуторе Загорье
Росли мы у отца,
Зеленое подворье
У самого крыльца,
По грядкам – мак махровый,
Подсолнух, лук, морковь.
На полдень сад плодовый:
Пять яблонь – пять сортов [11, т. 1, с. 200].

Став известным поэтом, Твардовский модным поездкам на целинные земли предпочитал поездки на родную Смоленщину, «в трудный, не парадный, и даже как бы ничем особенным не примечательный край» [11, т. 6, с. 430].

В. Астафьев родился 1 мая 1924 года в селе Овсянка Красноярского края. Друзья, посещавшие родные места писателя, всегда восхищались красотой природы этого сибирского края. Один из них при виде окрестности села воскликнул: «Здесь не хочешь, так все равно писателем станешь!» Другой, по словам Астафьева, будучи гостем Сибири, когда его

«под ручки подняли на Слизневский утес, обозрев с высоты мои родные окрестности, значительно молвил: “Как у Швейцарии!”» [3, с. 10]. Сожалея о поруганной прежней красоте, писатель обмолвился: «Село Овсянка нынче не одно. Вокруг него несколько рабочих поселков, тучи дач и дачек. Там, где когда-то петляла к мельнице и на пашни вела едва заметная, травянистая дорога, ныне пролегают железная дорога и асфальтированная автострада…» [3, с. 10]. Теме «малой родины», ушедшей патриархальности отведено важное место в художественном мире обоих писателей.

Многие мировоззренческие взгляды Твардовского и Астафьева базируются на практическом опыте крестьянской жизни. Оба писателя, независимо один от другого, создали схожие образы деревенского мальчика, «крестьянского сына», обозначив присущие ему особенности характера и нрава. Переклички обнаруживаются на мотивном уровне: в рассказе «Конь с розовой гривой» Астафьева и в стихотворении «Мне памятно, как умирал мой дед...» Твардовского приведена ситуация ожидания и получения главного и редкого лакомства сельских мальчишек – пряника в форме коня. Бабушка из произведения Астафьева поручила внуку – Вите Потылицыну (девичья фамилия матери – Астафьева) набрать в лесу ягод, пообещав купить «пряник конем»: («Пряник конем! Это ж мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые» [4, с. 46]. В стихотворении Твардовского автобиографический герой получает искомое лакомство от деда:

Мы с ним дружили. Он любил меня.
Я тосковал, когда он был в отлучке,
И пряничного ждал себе коня,
Что он обычно приносил с получки [11, т. 3, с. 66].

Горькой утратой для обоих авторов стала потеря родных людей в детстве. У Твардовского об этом так:

И вот он умер, и в гробу своем,
Накрытом крышкой, унесен куда–то.
И нет его, а мы себе живем, –
То первая была моя утрата...
И словно вдруг за некоей чертой
Осталось детства моего начало.
Я видел смерть, и доля смерти той
Мне на душу мою ребячью пала… [11, т. 3, с. 66].

В главе «Последний поклон» одноименной книги Астафьева читаем: «Вскорости бабушка умерла». Однако приехать на похороны рассказчику так и не удалось: не отпустил начальник из вагонного депо, что стало для него незаживающей раной: «Откуда знать он мог, что бабушка была для меня отцом и матерью – всем, что есть на этом свете дорогого для меня! Мне надо бы послать того начальника куда следует, бросить работу, продать последние штаны и сапоги, да поспешить на похороны бабушки, а я не сделал этого. Я еще не осознал тогда всю огромность потери, постигшей меня. Случись это теперь, я бы ползком добрался от Урала до Сибири, чтобы закрыть бабушке глаза, отдать ей последний поклон. И живет в сердце вина. Гнетущая, тихая, вечная. Виноватый перед бабушкой, я пытаюсь воскресить ее в памяти, выведать у людей подробности ее жизни» [4, с. 626].

Много похожего можно увидеть и в трагическом «становлении писателей», происходившем одновременно со становлением их как личностей. Семья А.Твардовского в 1931 году была раскулачена и выслана на север страны. Младший брат поэта, Иван Трифонович, вспоминал: «Началось все с момента коллективизации, весной 1930 года. Хорошо помню, что, придя как-то из Лобкова, весной того же тридцатого года, я заметил перемену в доме. Не курилась дымком кузница, не слышалось привычного звука наковальни. В избе – тишина и печаль. Сидя у своего окна, отец читал книгу. Это было в разгар рабочего дня, и мне показалось необычным и настораживающим. И мать явно не в себе: припухлость глаз и ее удрученный вид сразу же сказали мне о чем-то неприятном, о каком-то горе. А причина заключалась в том, что хозяйство отца обложили индивидуальным налогом и сумму определили такую, что терялся смысл пытаться – надо было все продать, но и тогда выплатить не смогли бы» [12, с. 59]. Семью выслали в 1931 году по весне. Товарный поезд с вагонами, набитыми до отказа спецпереселенцами, остановился на станции Ляля. Здесь в лесу прибывшие люди сами должны были строить себе бараки на зиму для жилья. Поэт, покинувший Загорье несколько ранее высылки семьи, все время был на волоске от такой же участи. В стихотворении «Братья» (1933) он вопрошал:

Как ты, брат?
Где ж ты, брат?
Что ж ты, брат?
На каком Беломорском канале? [11, т. 1, с. 69].

На примере трагической судьбы своей семьи Твардовский в несо-

стоявшемся автобиографическом романе «Пан Твардовский» хотел показать трагедию русского крестьянства XX века, но этот эпический замысел остался невоплощенным.

Астафьев в автобиографическом повествовании «Последний поклон» написал о трагедии своего детства. В 1931 году арестовали его деда и отца – за «создание контрреволюционной вооруженной организации в Овсянке». Деду заменили потом тюрьму и зону пятилетней ссылкой в Игарку, куда ранее выслали семью, а отца направили на строительство Беломор-Балтийского канала. В 1931 году в семье случилась еще одна трагедия – в Енисее утонула мать. Осиротевший мальчик оказался у бабушки и дедушки. Возвратившийся из заключения отец пытался взять его в свою новую семью. Но там не заладились отношения с мачехой, и ребенок остался один. Учился он кое-как, скитался по чужим углам, беспризорничал, пока не был направлен в Игарский детский дом. За три года пребывания ему не удалось одолеть программу за пятый класс. Однако в детдоме обнаружили живой огонек в душе сложного по характеру, беспокойного и впечатлительного подростка, заметили его увлечение книгами и стали прививать интерес к художественному слову.

Русская деревня с ее незыблемыми устоями оставила неизгладимый след в сознании А. Твардовского и В. Астафьева. На все происходящее писатели всегда смотрели через призму крестьянской психологии, а все их творчество проникнуто тревогой за судьбу русского мира.

Даже при беглом ознакомлении с художественным творчеством А. Твардовского и В. Астафьева заметна их четко выраженная автологическая нацеленность. В переводе с греческого, автология означает «самословие», употребление в произведениях слов и выражений в их прямом, непосредственном значении. Автологический стиль использовали А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Некрасов, Н. Рубцов. Редкое употребление метафор, ясный рисунок, простота выражений придавали их произведениям исключительную реалистическую прозрачность. Твардовский называл это – писать «без красивостей стиля». Уже первые стихи пятнадцатилетнего Твардовского, написанные в Загорье, автобиографичны:

Пахнет свежей сосновой смолою,
Желтоватые стены блестят.
Хорошо заживем мы семьею,
Здесь – на новый советский лад… [10, т. 3, с. 19].

Это строки из первого напечатанного в 1925 году стихотворения «Но-

вая изба». Но и одно из последних стихотворений, сочиненное за полгода до кончины, создано поэтом в том же автологическом ключе:

Час мой утренний, час контрольный, –
Утро вечера мудреней, –
Мир мой внутренний и окольный
В этот час на смотру видней. [11, т. 3, с. 208].

Произведения Астафьева также сотканы из живых впечатлений его детства и юности. Задумав в романе «Прокляты и убиты» «немножко рассказать о себе», он признался, что «много писать не требуется», потому что биография отражена «довольно полно и подробно» в его самой «толстой книге» – «Последний поклон». Однако автор тут же предостерег читателя, что «не надо воспринимать ее чисто биографической книгой. Как и во всяком сочинении, есть в ней и домысел, и вымысел, авторская фантазия, реальные персонажи сосуществуют иногда с никогда на свете не жившими, возникшими из моего воображения» [3, с. 6–7]. Так, например, не тождественны реальная бабушка писателя Катерина и образ, нарисованный в книге. Как и у Твардовского, образ «отца–богатея» из одноименного раннего стихотворения не совпадает с реальным Трифоном Гордеевичем Твардовским.

Писатели с самого начала употребляли в творческом лексиконе слова и выражения в прямом, непосредственном их значении, и поэтому они отличались у них реалистической точностью и предельной доступностью для восприятия. Такое искреннее слово заметили и оценили прежде всего читатели, а не литературная критика, которая искала в произведениях нарушения норм социалистического реализма.

Диалогичность – еще одна черта, характерная для обоих писателей. В процессе творчества они как бы вступают в диалог с «воображаемым читателем», рассказывая ему, как на духу, всю правду о себе и своем времени. Не случайно эстетики разных времен и народов считали художественную литературу развернутым, пространным диалогом. Однако мысль о диалогичности художественного отражения и восприятия мира в сознании сменяющих друг друга поколений всегда утверждалась по–новому, внесли свой вклад в ее развитие и исследуемые авторы.

Таковы *типологические аналогии* в произведениях Твардовского и Астафьева.

Обратимся теперь к *литературным* связям писателей.

В 1985 году Астафьев приехал в Смоленск. Здесь он посетил педагогический институт, где в течение двух лет был студентом А. Твардовский.

Особенно тщательно изучил его «Дело», чудом сохранившееся в архиве Смоленского государственного университета. Посетил хутор Загорье и другие памятные места, связанные с жизнью поэта. Пока ждали транспорт для поездки на «малую родину» А. Твардовского и готовился поздний обед, почетный гость из Сибири долго гулял с новыми знакомыми по осеннему парку в центре города. И во время прогулки, и за праздничным столом Астафьев подробно рассказывал о себе и своих творческих планах, о том, что замыслил написать такую книгу о прошлой войне, каких еще никто не писал, – вся горькая правда, по его рассказу, ляжет в ее основу. Речь шла о романе «Прокляты и убиты». На прощание писатель преподнес смолянам книги с дарственными надписями.

Три годя спустя, после поездки на Смоленщину была опубликована книга Астафьева «Зрячий посох» (1988). В ней он вспомнил и подробно описал свою встречу с главным редактором журнала «Новый мир» А.Т. Твардовским, рассказал о той роли, какую он сыграл в его жизни. «С Александром Трифоновичем Твардовским я встречался с глазу на глаз только один раз и проговорил всего пятнадцать минут. Было это в конце пятидесятых или начале шестидесятых годов. Я оказался в Москве. В редакции “Нового мира” лежали мои три или четыре рассказа, на публикацию которых я особой надежды не питал, но уже и тем был приободрен, что вот “взяли”, и не куда-нибудь, а в “Новый мир”, к самому Твардовскому, который, слух шел по России, сам! лично! читал все! рукописи, поступающие в редакцию журнала» [1, с. 155], – так начал свой рассказ Астафьев. При встрече, как пишет далее Астафьев, Твардовский «коротко и сильно» пожал ему руку и «внимательно посмотрел», проявив во взгляде радушие, «приветливость и желание делать добро». Узнав о том, что его собеседник воевал солдатом на фронте, главный редактор «незаметно повернул разговор на войну», одобрив то, что «бывшие рядовые начинают писать», привнося в литературу «нетронутый материал». Не ускользнули от внимания Астафьева и чистая, глаженая рубаха Твардовского, его «крупные, крестьянские руки» и «вольный, седой волос» [1, с. 161–162].

Тогда же начинающий писатель получил бесценные советы Твардовского. Так, на заданный вопрос: «Зачем так неряшливо, а то и нарочито сплетаете авторскую речь с повествовательной?» Астафьев, по его признанию, «чуть было не ляпнул», что в этом его «особенность». Твардовский же тем временем прочел пример из его текста, услышав который, молодой Астафьев устыдился за написанное и обрадовался: «слава богу, не успел ничего сказать» [1, с. 163]. «Потом он наткнулся на описание дерева без вершины, дерева, сломленного давно бурей.

– А у дерева, да еще сломленного бурей, да еще такого сильного, как лиственница, которую вы описываете, много вершин должно быть! – И рассказал, что в Пахре, где он живет, есть поломанная ель и что у нее, у ели, признающей вроде бы всего одну лишь острую верхушку, пошло несколько отростков, и который-то из них станет и вершиной.

Это он говорил со мной о рассказе “Бурелом” и коротко, но в то же время очень убедительно доказал, что не буря и бурелом в рассказе главное, а столкновение людей под бурею, столкновение светлого с темным <...>.

Я внял советам Александра Трифоновича и несколько лет спустя, с большим трудом доделал тот рассказ. Называется он “Восьмой побег”» [1, с. 163].

На прощанье Твардовский улыбнулся «ободряюще» и сказал: «– Вы поработайте еще над рассказами и приходите к нам да напечатайтесь так, чтобы сразу было заметно и достойно <...>. А я твердил: “Спасибо! Спасибо!” <...>.

Александр Трифонович вышел из–за стола, подал мне руку и, не выпуская ее, как бы загородив меня плечом и левой рукой от кого–то, довел до двери <...>.

Нет Александра Трифоновича на свете, к сожалению, нет, и люди работают в журнале другие и по-другому <...>.

А пятнадцать минут, потраченных на меня великим поэтом и гражданином нашего времени, я буду отрабатывать всю жизнь» [1, с. 164–166], – признается Астафьев. А завершает нарисованный портрет он художественным сравнением: «У нас в литературе сейчас много людей, видящих и помнящих себя в виде пасхального кулича – сразу он явился свету круглым, пышным, сладким и праздничным. Но есть восхождение хлебного колоса на кем-то вспаханной, чаще всего отцом и матерью, земле. Именно с хлебным колосом на ниве русской словесности мне кажется уместным сравнить жизнь и деяния Твардовского…» [1, с. 161].

Таким образом, сам автор признал уроки Твардовского. В одном из писем 1995 года он назвал имя поэта в перечне тех, «кто пытался и еще пытается сказать правду о войне и кого за это согнали в ранние могилы...» [2, с. 564].

Были ли со стороны Астафьева заимствования у Твардовского? Вопрос сложный, требующий тщательных изысканий, текстологического анализа. Так, уже были проведены аналогии между повестью «Веселый солдат» Астафьева и поэмой «Василий Теркин» Твардовского [5]. Других работ такого рода нами не выявлено.

Примечательно, что некоторые исследователи, активно занимаю-

щиеся освоением наследия Астафьева (мифопоэтикой прежде всего), обходят стороной тему явного влияния Твардовского на Астафьева. Например, одна из публикаций Н.В. Ковтун «Мотивы дома и пути в повести В. Астафьева “Перевал”» [7] уже своим названием перекликается с известной монографией А. Македонова «Творческий путь Твардовского: Дома и дороги» (М., 1981). А в статье Т.Л. Рыбальченко «Переправа как основная мифологема в романе В. Астафьева “Прокляты и убиты”» [9], подробно анализирующей важнейший эпизод последнего романа Астафьева о переправе через Днепр (!), даже не упоминаются напрашивающиеся хрестоматийные строки из «Книги про бойца»:

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому темная вода,–
Ни приметы, ни следа [11, т. 2, с. 175].

Подводя итог, можно отметить, что наши наблюдения – это всего лишь начальные подступы к решению означенной проблемы. Однако уже на первом этапе работы можно утверждать, что все составляющие сравнительно-исторического метода, как то: типологические аналогии, литературные связи и литературные влияния (или заимствования) являются определяющими при раскрытии темы «Астафьев и Твардовский».

Литература

1. Астафьев В.П. Зрячий посох: Книга прозы. М.: Современник, 1988. 590 с.
2. Астафьев В.П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952 – 2001 / сост., предисл. Г. Сапронова. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 720 с.
3. Астафьев В.П. От автора // Астафьев В.П. Прокляты и убиты. М.: Вече, 1994. 169 с.
4. Астафьев В.П. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Последний поклон: Повести. Рассказы. Екатеринбург: У–Фактория, 2003. 720 с.
5. Гончаров П.А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы 1950 – 1990–х годов. М.: Высшая школа, 2003. 386 с.
6. Жирмунский В.М. Сравнительно–исторический метод // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. 1972. Т. 7. Стлб. 126–139.
7. Ковтун Н.В. Мотивы дома и пути в повести В. Астафьева “Пе-

ревал”. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://astafiev.sfu–kras.ru/wp–content/uploads/2013/05/9Motivyi–doma–i–puti–v–Perevale–Kovtun.pdf

8. Русские писатели XX века. Биографический словарь / Гл. ред. и сост. П.А. Николаев. М.: Большая Советская энциклопедия; Рандеву–АМ, 2000. 808 с.

9. Рыбальченко Т.Л. Переправа как основная мифологема в романе В. Астафьева «Прокляты и убиты». [Электронный ресурс] Режим доступа: http://astafiev.sfu–kras.ru/wp–content/uploads/2013/04/Pereprava–kak–osnovnaya–mifologema–v–romane–V.Astafeva–Proklyatyi–i–ubityi.–Ryibalchenko–T.L..pdf

10. Твардовский А.Т. Из ранних стихотворений (1925–1935). М.: Советский писатель, 1987. 272 с.

11. Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. / под общ. ред. Ю.Г. Буртина. М.: Художественная литература, 1976 – 1983.

12. Твардовский И.Т. Родина и чужбина. Смоленск: Посох, 1996. 352 с.

V.V. Ilin, O.A. Novikova

VIKTOR ASTAFIYEV AND ALEKSANDR TVARDOVSKY

Key words*: V. Astafiyev, A. Tvardovsky, Comparative, literary connections, literary influences, the magazine «the New World».*

The article presents a comparative analysis of the works of two major Russian writers of the twentieth century, V. Astafiyev and A. Tvardovsky, revealing some typological analogy, literary communication and literary influences (borrowing). Brought biographical facts, materials writings of authors, reviews of literary criticism

Т.Н. Хриптулова

ПОЭТИКА «ИНОГО ЦАРСТВА» В ЛИРИКЕ Н.И. ТРЯПКИНА

Ключевые слова: *Н.И. Тряпкин, «иное царство», волшебная сказка, традиция*

В художественной системе Н.И. Тряпкина, как и в русской волшебной сказке, «иное царство» является одной из частей волшебно-ска-